

Сергей Саканский

СОБИРАТЕЛЬ ГРЁЗ

и другие парные
и непарные
рассказы

5

Три части

Сергей Юрьевич Саканский

Три части (сборник)

Серия «Собиратель грёз», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

Три части:

Аннотация

Пятая книга серии полностью посвящена прошлому. Ее герои – жители небольших российских городков: одни закончили свое существование задолго до гражданской войны девяностых, в которой погибли другие... Третьи выжили и окунулись в послевоенный гламур.

ДЕНЬ ЗАРПЛАТЫ – история простого советского рабочего, который мечтал стать министром, но нашел свою смерть в пропеллере мощного вентилятора.

ЖАБРА – парный к рассказу **ГЕНКА**, **ВИТЬКА** И **Я** из книги 4 (действие происходит в том же месте и в те же самые дни) – история мальчика, узнавшего страшную правду о своей матери.

СВЯТАЯ – история ткачихи, которая стала известной поэтессой и, в отличие от многих своих коллег, бросивших ремесло стихосложения, умерших или покончивших с собой, благополучно вписалась в новую реальность.

Три рассказа. Три части нашего бытия: эрос, танатос, дух.

Содержание

День зарплаты	4
Святая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Саканский

Три части

День зарплаты

Подвыпив, он любил рассказывать о черноволосой аджарке, чье приданое составляло тридцать тысяч рублей, и его друзьям хотелось верить, что у человека могут быть хорошие деньги и полноценная женщина, одна из тех, какие иногда проходят быстро по улице или проезжают в автомобилях, глядя снисходительно и ласково, как с киноэкрана.

Последнюю его «невесту» звали Галя. Она не нравилась ему, но он хотел жениться на ней, потому что с годами время летело все быстрее, и это был его последний шанс; и она хотела выйти за него, потому что он имел прописку и собственную жилплощадь. Гале он тоже не нравился, потому что часто бывал пьян, и от него плохо пахло – от его одежды, волос, изо рта... Пахла даже кожа его спины.

Когда Галя нашла другого, менее пьющего, она бросила его. С тех пор и до конца жизни у него не было «невесты».

Последние годы по утрам он приходил в пивную палатку и выпивал две-три кружки пива с солью, потом шел на работу, на завод ЖБИ – железобетонных изделий – вытаскивать из форм, ровнять зубилом и укладывать в штабеля же-

лезобетонные изделия, чтобы заработать себе на еду и вино, на двухнедельную поездку к матери в деревню.

Иногда он бунтовал. Сумма в тридцать тысяч доходила до пятидесяти. Он наваливался грудью на чью-нибудь чужую грудь и грозно шептал:

– Слушай! Ты представить не можешь, своей тупой башкой, что такое настоящие деньги – деньги! Бабки! Бабульки и барабульки! Бабло. Ты все пропиваешь и не видишь разницу между пятеркой и стольником... А у меня всё было – всё! Знаешь ли ты, с кем пьешь?

Когда он слишком надоедал своим друзьям, они били его. Его друзья были все с завода ЖБИ – железобетонных изделий – где они формовали, уплотняли, сушили и транспортировали железобетонные изделия, чтобы кормить себя и семью, пить пиво и вино, покупать телевизоры и раз в год на две недели ездить куда-нибудь. Иногда они выпивали больше обычного – часто это случалось в дни зарплаты, третьего и восемнадцатого – тогда они со стонами и сопеньем начинали бить друг друга, тыкать друг друга перочинными ножами, отвертками, напильниками, и приезжали милиционеры, чтобы задержать их, и некоторые из них исчезали на несколько лет, но чаще навсегда.

Он был таким же, как все – худо одетым, буролицым, с проседью в волосах, редко смеющимся и нервным, и однажды в день зарплаты, третьего или восемнадцатого августа 1982-го года, друзья убили его, ткнув его головой в пропел-

лер работающего вентилятора, в пивной палатке, где он любил по утрам пить пиво.

В тот же день и час в двух тысячах километрах на юго-восток, под городом Батуми, на веранде дачного домика сидела женщина по имени Лидия, и ее укусила пчела в нежную кожу на сгибе локтя, потому что Лидия съела грушу.

Именно в тот день и час вспомнился ей сероглазый парень по имени Володя, который пятнадцать лет назад был ее любимым.

Наверное, издыхая в пропеллере вентилятора, его мозг успел послать в пространство сигнал о смерти – серию молниеносных и таинственных, не уловимых никакими приборами биотоков.

Приданое Лидии составляло ровно четырнадцать тысяч, и все они пошли на уютный домик с верандой, откуда был виден небольшой кусочек моря с узким треугольником Зеленого Мыса.

Впрочем, полтора десятка лет назад деньги имели другую цену, и Володя не врал, рассказывая свою историю друзьям, тем самым, которые, упившись, сунули его головой в работающий вентилятор.

Лидия раздавила противное насекомое вьетнамкой, и оно громко хрустнуло, брызнув на пол желтой жидкостью.

– Жора! – позвала Лидия, но вспомнила, что муж с детьми уехали в город.

Ей самой пришлось вытащить жало из нежной кожи

на сгибе локтя.

Вытащив жало, Лидия почувствовала дурноту: ей показалось, что у нее подскочила температура, словно при отравлении. Она выпила стакан молодого вина и легла на кушетку болеть, и в то время как обезглавленный труп везли с места преступления в морг, а убийцы, медленно трезвея, сидели в камере, Лидия предавалась воспоминаниям, которые настойчиво жужжали в ее мозгу.

Ей было восемнадцать, ему двадцать, он отдыхал в Бату-ми и снимал комнату в доме ее отца. Лидия приехала домой на каникулы, и он за несколько дней «свел ее с ума»...

– Где ты теперь? – подумала она в тот самый момент, когда фельдшер без любопытства разглядывал раздробленный череп.

– Странное дело, – подумал фельдшер, теребя пшеничный ус. – Если все это происходит на самом деле, то какая же должна быть мощность у этого вентилятора, чтобы так поломать кость? Или же кость у него была такая хрупкая, пропитая и прокуренная кость? Или же все это – ненастоящее, все это сон какой-то, или фантазия, и я уже много лет живу в каком-то кино, или в книге, чей автор, безмозглый интеллигент, понятие не имеет о мощности вентиляторов, о жизни вообще...

Володя весной пришел из армии и работал на заводе железобетонных изделий – временно, потому что на следующий год он тоже поедет в Москву и поступит в институт.

– Счастье – это лотерейный билет, говорил он. – Вытянешь – твое. Уж я-то его вытащу, будь уверена, – добавлял он, глядя куда-то мимо ее глаз, на горизонт, где над Турецким берегом строился облачный город.

Или мерещился ему вдаль работающий вентилятор, которого, в сущности, и не видно, так быстро вращаются лопасти...

– Я буду министром, – серьезно говорил он, и это желание не казалось ей наивным. – Я докажу им всем, что я способен в этой жизни на кое-что.

Лидия не знала тогда, что «они» – это жители небольшого русского райцентра, рабочие завода ЖБИ, завсегда и пивной палатки – жалкие и ничтожные друзья его.

Она не знала о мрачной жизни этого города, о том, как тускло светят по ночам фонари, о том, как медленно люди сходят с ума, не зная в жизни ничего, кроме каждодневной работы с водкой и матерщиной, пивной палатки, милиционеров и вечернего телевизора в темноте малогабаритных квартир, где пахнет супом, всегда пахнет супом.

Он умел красиво мечтать. Он говорил о своем будущем так, будто оно уже наступило, и он рассказывает о чем-то обыденном и даже поднадоевшем.

Будет собственный двух, нет – трехэтажный дом. Будет черная «Волга» с шофером. Париж и Нью-Йорк. Самолеты. Трансатлантические лайнеры. Усталые и справедливые глаза человека, ответственного за судьбы миллионов.

– Смотри! – указал он на плакат с портретами правительства. – Смотри, какие лица. Ты думаешь, в юности они были вундеркиндами? Такие же ребята. Неизвестно еще, что такое талант... Все дороги открыты, все до единой, и жить-то еще долго, лет пятьдесят еще жить...

Она смотрела на него с восторгом. Она молча кивала. Однажды ей открылось, что в его будущем нет места для нее.

– Значит, ты меня не любишь? Не любишь? – пыталась она, задерживая дыхание.

– Люблю, отвечал он тихо и неуверенно.

– Пойми же, – говорила она, – у тебя никогда не будет такой, как я. Ты ищешь свое счастье, свой лотерейный билет, а оно – вот оно, здесь, бери же его!

Подобные слова она через год повторила Жоре, и он не стал ломаться, а просто и с достоинством взял свой «лотерейный билет» – взял ее, богатую, красивую и молодую.

– Ты еще не все обо мне знаешь, – тихо сказала она, когда расставание с Володей было совсем близко и билет (не лотерейный, а железнодорожный) уже лежал в кармане его пиджака.

– Ты не все обо мне знаешь, – сказала она, – у меня есть приданое, пятнадцать тысяч, и мы...

Она замолчала, потому что поняла, что совершила ошибку.

Володя медленно встал, оделся и вышел, а через день она видела, как он, уже незнакомый и далекий, садится в вагон.

Прошел год, и Лида снова приехала домой на каникулы, и в доме ее отца квартировал Жора, который потом стал ее мужем. Если бы там был не Жора, а, скажем, Витя, то и его ожидала та же судьба, потому что Лидия была молода и красива, а ее подруги уже выходили замуж.

Так, лежа на кушетке, в безделье, вспоминала она то отдаленное лето, а в двух тысячах километрах к северо-западу, в небольшом райцентре, сотрудники милиции выясняли личность убитого, и пока было установлено лишь прозвище – *Министр*.

Жора положил на журнальный столик конверт с деньгами, потому что в его управлении сегодня давали зарплату. Лидия обрадовалась приезду мужа и детей, потому что тишина на даче к вечеру стала невыносимой, как и жара.

– Мама! – сказал Кир. – Меня укусила пчела.

– Меня тоже, кисонька.

– Ах, как здорово! Куда он тебя укусил?

– Вот сюда.

– А меня – вот!

– Ты плакал?

– Нет! Нисколечки.

– И я тоже.

– А можно я съем виноград?

– Он еще зеленый.

– А можно я съем зеленый?

– Нельзя. Зеленого ничего нельзя.

Кир покушался на знаменитую гроздь, за которой они наблюдали с начала лета, еще с цветения. Гроздь была огромной, она спускалась с карниза веранды. Засыпая, Лидия видела, как ягоды наливаются лунным светом.

Жора поставил на стол небольшую коробку. Внутри стукнула пластмасса.

– Что это? спросила Лидия.

– Вентилятор, – значительно ответил Жора.

Он развернул и собрал прибор. Дети оживленно заспорили, куда поставить его. Все четверо встали в кружок, рассматривая лопасти, похожие на слоновьи уши.

– Пуск! – закричал Венчик.

Жора нажал кнопку, и лопасти исчезли. Искусственный ветер обволок их лица, и бурные возгласы восторга заглушили шум работающего мотора.

– А ведь я счастлива, – подумала Лидия, – Я ведь ужасно счастлива! – повторила она, глядя, как Жора ищет на книжной полке, чего бы почитать вслух.

И, сделав это чудесное открытие, она снова – теперь уже в последний раз – вспомнила и пожалела своего «милого Володю».

– Будь же счастлив, как счастлива теперь я, – мысленно пожелала она, в то время как он, уже с ярлыком, лежал в морозилке, а в морг поступил новый труп, потому что был день зарплаты.

Святая

1

Ее звали Люся, что вызывало ассоциации не то с люэсом, не то с Льюисом... Впрочем, никто вокруг не знал, ни что такое люэс, ни кто такой Льюис... Давно это было.

Люся Королева была нарасхват: в ее комнату стучались, ее поджидали у проходной, порой ей даже звонили, а это, господа, было на фабрике непросто: телефон стоял один на весь цех, в закутке начальства, а Люся, как известно, работала за станками... Скучно жить на свете.

В этом подмосковном городке, где был один завод и была одна фабрика, и мужское население трудилось, в основном, на заводе, а женское, в основном – на фабрике... В этом глухом, но солнечном, ностальгически солнечном времени... В этом дурацком возрасте.

Развернем, что пружинит.

Завод – большой, неуклюжий, черный, подстать тогдашним мужчинам в пиджаках, а под его крылом, за лесом фабрика – красного дореволюционного кирпича, с кокетливыми арками, с отражением в реке... Тут – горячая стружка, болванки, чушки, спирт гидролизный и ректификат, автокары,

трубы, то есть, монументально, весомо, жительно. Там – катушки картонные, нитей косое течение, смешки, месячные, пух в воздухе и пых в легких, тяжело все ж... И полпятого эти, полшестого те – муравьиными потоками в разные стороны, пересекаясь, приветствуя, по одному, по одной, группами, в магазины, в пивнушки, в хрущобы, берияскребы, и вдруг – странно это как-то, неужели не видите? – двое, покружив, встретились где-то на этаже, и вместе за стол, и он муж, а она жена: щи там и все такое...

Вот недавно костюм... Цветной телевизор. Сынишке велосипед...

Так рождалась наша поэзия, так она умирала...

2

Я работал на заводе, Люся – соответственно – на фабрике, я только что откинулся из армии, она – из школы, я приехал туда из татарской, она – из сибирской деревни.

Много нас, таких, как я и она, приехало черти откуда, зацепившись за этот никакой городок, устроившись по лимиту, временно прописавшись в общагах... Никто не собирался здесь жить, но многие так и остались, хотя основной целью была близкая столица, настолько близкая, что мы видели ее праздничные салюты, чувствовали ее тепло, нюхали ее выперды. Иные из нас уже умерли.

Здесь можно было бы привести обширную цитату из горь-

ковской «Матери», насчет как фабрика кого-то там выплевывала вечерами, или другого автора, столь же ценимого тогда в школе, насчет как жизнь дается человеку один раз... Что, правда, сомнительно. И мучительно больно, что *правда*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.